

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.24>

Кезина Светлана Владимировна, Киселева Лариса Айратовна, Сергеева Лариса Александровна
Репрезентация эмоциональной сферы человека в диалектной картине мира (на материале русских говоров Башкирии)

Цель исследования - на материале русских говоров Башкирии установить основные закономерности репрезентации эмоциональных явлений в диалектной картине мира. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится описание семантических особенностей эмотивной лексики и фразеологии, зафиксированной в диалектной речи жителей полиэтнического региона. В результате исследования выявлено, что эмотивная лексика в русских говорах Башкирии представляет собой семантическое поле, структура которого определяется закономерностями вербализации эмоциональной сферы, такими как асимметричность структуры поля, отражение основных концептуальных параметров эмоций: субъективное переживание, его временные признаки, интенсивность, модальность (положительный/отрицательный знак), внешнее проявление и т.д.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 119-122. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

15. Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005. 418 с.
16. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 190 с.
17. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
18. Рубакова И. И. Концепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ в фольклорном жанре русской частушки: дисс. ... к. филол. н. М., 2019. 164 с.
19. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 585 с.; 1999. Т. 2. 702 с.; 2009. Т. 4. 656 с.
20. Словарь русского языка XVIII века: в 21-м вып. / АН СССР, Ин-т лингв. исследований; гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 1998. Вып. 10. 256 с.
21. Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: материалы и исследования. Л.: Наука, 1979. Т. XIX. Вопросы теории фольклора / отв. ред. А. А. Горелов. С. 147-156.

Lexicalization of КОНЬ (HORSE) Concept in the Kuban Cossacks' Songs

Epatko Tat'yana Aleksandrovna

Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov
epatko.t.a@yandex.ru

The paper aims to reveal specificity of lexico-semantic representation of КОНЬ (HORSE) concept in the Kuban Cossacks' lyrical, ballad, prison, wedding, ritual, round dance, dance and humorous songs. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time provides a comparative analysis of the basic representatives of the common Russian concept КОНЬ – lexemes “конь” and “лошадь” – by the material of the Kuban Cossacks' song folklore. The findings indicate that in the Kuban Cossacks' songs, these lexemes acquire additional meaning “wealth”. Moreover, the lexeme “конь” acquires the meanings “inner circle member”, “bridegroom symbol”, “Cossack's friend”. Both the lexemes have a positive emotional evaluation. Semantic differences between the words “конь” and “лошадь” disappear; the lexemes become full synonyms, but the most frequent lexeme “конь” has much broader metaphoric potential.

Key words and phrases: КОНЬ (HORSE) concept; Kuban songs; Cossacks' folklore; lexeme; metaphorical meaning.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.24>

Дата поступления рукописи: 12.10.2020

Цель исследования – на материале русских говоров Башкирии установить основные закономерности репрезентации эмоциональных явлений в диалектной картине мира. **Научная новизна** работы заключается в том, что в ней впервые проводится описание семантических особенностей эмотивной лексики и фразеологии, зафиксированной в диалектной речи жителей полиэтнического региона. **В результате** исследования выявлено, что эмотивная лексика в русских говорах Башкирии представляет собой семантическое поле, структура которого определяется закономерностями вербализации эмоциональной сферы, такими как асимметричность структуры поля, отражение основных концептуальных параметров эмоций: субъективное переживание, его временные признаки, интенсивность, модальность (положительный/отрицательный знак), внешнее проявление и т.д.

Ключевые слова и фразы: эмотивная лексика и фразеология; семантическое поле; диалектная картина мира; русские говоры Башкирии.

Кезина Светлана Владимировна, д. филол. н., доц.
Пензенский государственный университет
svkezina@gmail.com

Киселева Лариса Айратовна, д. филол. н., доц.
Сергеева Лариса Александровна, д. филол. н., проф.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
larisakiseleva2015@yandex.ru; sergeevala@list.ru

Репрезентация эмоциональной сферы человека в диалектной картине мира (на материале русских говоров Башкирии)

Актуальность изучения диалектной эмотивной лексики несомненна: если провести параллель с соответствующей сферой номинации в русском литературном языке, то можно заметить, что последняя проанализирована весьма детально как в системном, так и в функциональном аспектах [1; 5], тогда как диалектные наименования эмоций представляют собой недостаточно исследованную область, поскольку на данный момент имеется лишь несколько работ, специально посвящённых анализу данного класса слов [3; 9; 11]. Это объясняется преимущественным вниманием диалектологов к наименованиям материальных предметов,

которые по праву считаются ядром диалектной лексической системы, так как обозначают «вещные» реалии, жизненно важные для носителей народной речи. Именно поэтому в диалектологических работах эмотивной лексике долгое время отводилось второстепенное место, хотя в количественном отношении она представляет собой довольно широкий класс языковых единиц, что вполне объяснимо: согласно общепринятому мнению, эмоции выступают одним из фундаментальных компонентов психики, которые в единстве с интеллектом образуют ядро личности человека. Как справедливо отмечает известный американский психолог К. Изард, «в каждом из нас есть внутреннее ядро, наше “Я”, которое остаётся неизменным, и это ядро по своей природе эмоционально» [4, с. 94]. Приведённое суждение имеет особую значимость для лингвистов, поскольку структура эмоционального мира отдельного человека (например, такой её компонент, как частотность тех или иных внутренних переживаний) обнаруживает его ценностные ориентации, а последние наряду со стереотипами, мотивациями и установками образуют наивысший уровень языковой личности – её прагматикон [6]. Мотивационная природа эмоций проявляется в том, что они организуют, направляют и регулируют все виды деятельности индивида, в том числе речевую. К примеру, процессы формальной и семантической деривации, преобразование структуры высказывания и т.д. во многих случаях обусловлены стремлением более эмоционально выразить своё отношение к предмету речи, её адресату, ситуации общения и т.д. В связи с этим представляется весьма перспективным обращение к закономерностям репрезентации эмоций в картине мира говорящих, поскольку такое исследование позволяет по-новому взглянуть на процессы порождения и восприятия речи. Это особенно важно в том случае, когда лингвист имеет дело с живой речью, как, например, в практике диалектологических исследований. Объектом анализа в данной работе выступает лишь отдельный фрагмент диалектной картины мира – лексико-фразеологические наименования эмоций, поскольку именно тезаурусный (точнее, лексико-семантический) уровень языка характеризуется высокой степенью этнокультурной маркированности. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**: 1) выявление набора лексико-фразеологических обозначений эмоций в русских говорах Башкирии; 2) определение принципов организации диалектной эмотивной лексики как особого языкового множества. В качестве материала исследования послужили эмотивы, зафиксированные в «Словаре русских говоров Башкирии» под редакцией проф. З. П. Здобновой [12]. Данный класс языковых единиц исследуется нами с использованием **методов** семантического поля и анализа словарных дефиниций.

Теоретической базой исследования послужили работы в области лингвистики эмоций, посвящённые описанию основных закономерностей вербализации чувственной сферы и определению специфики языковой категории эмотивности [5; 8; 14; 15].

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке общих и специальных вузовских курсов (история русского языка и диалектология, современный русский язык, общее языкознание и др.), в лексикографической практике (при составлении дифференциальных диалектных словарей) и т.д.

Переходя непосредственно к объекту нашего исследования, отметим, что в «Словаре русских говоров Башкирии» зафиксировано около 270 эмотивов, служащих наименованиями примерно 30 эмоций. Если принять во внимание утверждение психолога А. Н. Лука о том, что наиболее исчерпывающий перечень ситуационных определений эмоций включает в себя 72 позиции [10, с. 72-78], то в анализируемых говорах представлена почти половина объективно существующего спектра эмоциональных явлений. Важно отметить, что в говорах, как и в литературном языке, обозначение эмоций осуществляется в соответствии с принципом избирательности: преимущественно обозначаются те внутренние состояния, которые, во-первых, переживаются индивидом чаще всего, во-вторых, имеют ярко выраженный характер. Это радость, страх, удивление, гнев и другие базовые (фундаментальные) эмоции, которые в сознании носителей языка предстают как наиболее типичные переживания [16, с. 78] и могут рассматриваться в качестве концептов, довольно чётко структурированных языком. В сравнении с другими пластами диалектной лексики, отражающими в основном материальные явления, эмотивы отличаются высокой степенью абстрактности, так как обозначают исключительно субъективные состояния, не имеющие аналогов во внешнем мире. Именно в силу этого эмотивная лексика организована по полювому принципу, следовательно, ей присущи такие конститутивные признаки семантического поля, как разграничение ядра и периферии, выделение микрополей в структуре поля, частичное наложение полей друг на друга и т.д. Эмотивная лексика в русских говорах Башкирии представляет собой межчастеречное поле, включающее в себя не только слова разной лексико-грамматической отнесённости, но и устойчивые сочетания типа *не ломать шапки* «загордиться», *брылы надуть* «обидеться», *взяло страхом* «охватил страх, испугался» и др. Так, среди эмотивов нами зафиксировано около 130 глаголов, 60 существительных, 50 прилагательных, 10 наречий и 20 устойчивых оборотов. Очевидно, что главная роль в обозначении эмоций отводится глаголам как изосемическому классу эмотивной лексики, поскольку именно в их значении наблюдается соответствие между категориальной семантикой процессуальности и эмотивным содержанием (языковой интерпретацией эмоций как процесса).

Семантическое поле эмотивности в русских говорах Башкирии характеризуется довольно сложной структурой. Прежде всего, внутри него выделяются микрополя, объединяющие средства обозначения определённых эмоций, например «радость», «любовь», «презрение», «зависть» и др., причём наибольшее число компонентов включает в свой состав микрополе «недовольство/раздражение». Необходимо отметить, что говорам, как и литературному языку, свойственна асимметрия структуры поля эмотивности, которая проявляется в следующем:

1) эмотивы со значением эмоционального состояния в количественном плане значительно превосходят наименования эмоциональных отношений (любовь, уважение, равнодушие и под.) и эмоциональных переживаний (стыд, обида, страдание и т.д.). Это значит, что при вербализации внутреннего мира человека преимущество

получают не межличностные эмоции, социальные по своей сути, а ситуативные состояния (например, радость, страх, гнев и др.), которые представляют собой непосредственную реакцию на лица или события;

2) такой признак эмоций, как модальность (знак), отражается в диалектной лексике непоследовательно, поскольку эмотивы, называющие негативные чувства, представлены гораздо шире, чем единицы с полярной оценкой. Так, нами зафиксировано более 230 номинантов отрицательных эмоций (примерно 85% от общего числа эмотивов), среди которых обозначения печали, грусти (*зреть* «грустить», *думчивый* «задумчивый, невеселый, печальный», *коковать*, *кокувать* «скучать, тосковать, печалиться»), страха (*настращаться* «пережить страх», *дыгать* «трусить», *куян* «трусливый человек»), раздражения, гнева (*назлить* «рассердить, разозлить», *белениться* «приходить в ярость, горячиться»), неприязни, отвращения (*гребовать*, *морговать* «брезговать», *лихоститься* «питать неприязнь»), пренебрежения, презрения (*надрыгаться*, *галегониться*, *мудровать*, *горячиться* «издеваться») и т.д. Как известно, дихотомия по типу оценочного знака является семантической универсалией, свойственной лексиконам всех языков мира [14, с. 7], однако критическая направленность оценочной деятельности ведёт к тому, что негативные переживания не только получают в языке преимущественную номинацию, но и отражаются в них с большей степенью детализации [7]. Анализ диалектного материала подтверждает высказанное Л. О. Чернейко мнение, согласно которому в языке обозначения плохого более дифференцированы по сравнению с обозначениями хорошего, что обусловлено психической предрасположенностью человека считать хорошее нормой, не нуждающейся в подробной номинации [13, с. 47]. В то же время полученные данные опровергают выдвинутую западными исследователями «гипотезу Полианны», в соответствии с которой в речи слова позитивного характера употребляются чаще, разнообразнее и с большей лёгкостью, чем слова с негативной оценкой [2, с. 102], что объясняется особенностями человеческой психики, тяготеющей в сторону положительных эмоций.

Иерархическая структура поля эмотивности в анализируемых говорах отражает механизмы языковой концептуализации внутреннего мира. Онтологически любая эмоция характеризуется следующими параметрами, которые получают вербальное выражение: 1) субъективное переживание; 2) его временные признаки (возникновение, протекание и прекращение); 3) интенсивность; 4) причина; 5) внешнее проявление. Ядро микрополей эмотивной лексики в русских говорах Башкирии составляют средства номинации первых четырёх аспектов эмоций, а именно:

- а) бытийные эмотивы (*бызиться* «сердиться», *лютой* «злой, сердитый» и т.д.);
- б) инхотивы со значением «приходить/прийти в какое-либо эмоциональное состояние» (*напужаться*, *настращаться* «испугаться» и др.);
- в) интенсификаторы со значением «испытывать эмоцию высокой степени интенсивности» (*захлебнуться в радости* «сильно обрадоваться», *вылазить из себя*, *вылететь из себя* «быть вне себя от гнева» и т.д.);
- г) каузативы со значением «вызывать/вызвать какое-либо эмоциональное состояние» (*булгачить* «тревожить, беспокоить», *квелить*, *ковелить* «обижать, доводить до слёз» и др.).

Периферию анализируемого поля образует параэмотивная лексика, то есть средства обозначения и образа описания внешних проявлений эмоций. Интересно отметить, что в отличие от литературного языка в рассматриваемых говорах периферийную зону образует более значительная в количественном отношении группа, тогда как ядерная часть представлена ограниченным числом лексем. Вероятно, это обусловлено ономазиологической спецификой диалектной лексики, преимущественным отражением конкретных характеристик реалий. В сравнении с литературным языком, в котором периферию поля эмотивности составляют в основном средства обозначения и описания физиологических симптомов эмоций (например, температурных изменений, дрожи, мимических выражений и т.п.), в говорах на первый план выходят социально значимые их признаки. Так, самое большое число обозначений характерно для речевого выражения эмоций, при этом наблюдается, как и в сфере эмотивной лексики в целом, тенденция к дискретному обозначению речевых сигналов отрицательных состояний, в первую очередь недовольства/раздражения: *галдить*, *гмызить*, *гмырить*, *брюзжать*, *бунчевать*, *гузыниться*, *гундить* «ворчать, выражать недовольство», *зевать* «ворчать, ругаться» и др. Довольно широко представлены также наименования поведенческой (не дифференцированной с точки зрения формы) экспрессии эмоций: *галегониться*, *мудровать* «издеваться», *голумиться* «глумиться», *бычиться* «дичиться, стесняться», *ласковать* «ласкать» и т.д. В гораздо меньшей степени вербализованы соматические признаки эмоций, например мимические (*выбуривать* «смотреть искоса, сердито, недовольно», *выпуча глаза* «широко открыв глаза от удивления, испуга» и др.); исключение составляют лишь собственно физиологические проявления внутренних переживаний, в частности плач (*базлать*, *базанить*, *вянгать*, *лаять* «плакать», *захыркать* «заплакать», *накричаться* «наплакаться» и под.).

Таким образом, в результате проведённого исследования можно сделать следующие **выводы**:

1) эмотивная лексика и фразеология в русских говорах Башкирии представляет собой довольно широкое и разнообразное по составу множество языковых единиц, организованное по принципу межчастеречного семантического поля;

2) структура указанного поля определяется закономерностями репрезентации эмоциональной сферы в диалектной картине мира, а именно: внутри него выделяются микрополя эмотивов, которые объединяют средства номинации и образного описания тех или иных эмоций («радость», «недовольство», «страх», «любовь» и т.д.); в свою очередь, каждое из микрополей имеет ядерно-периферийное устройство: к ядру относятся обозначения самих эмоций, а к периферии – номинанты их разнообразных внешних признаков (мимических, физиологических и т.д.);

3) отношения между диалектными эмотивами отчасти тождественны взаимосвязям соответствующих лексем литературного языка: наблюдается, во-первых, асимметричность структуры поля эмотивности, которая проявляется в преобладании, с одной стороны, наименований эмоциональных состояний в сравнении с эмоциональными переживаниями и отношениями, с другой – обозначений отрицательных эмоций (прежде всего, недовольства, раздражения); во-вторых, отражение основных концептуальных параметров эмоций, таких как субъективное переживание, его временные признаки, интенсивность, причина, внешнее проявление;

4) выявлены различия структуры поля эмотивности в русских говорах Башкирии и в литературном языке, а именно количественная диспропорция ядра и периферии поля эмотивности в рассмотренных говорах (преобладание не ядерных, а периферийных элементов, обозначающих внешнюю экспрессию эмоций), а также в принципах организации указанных семантических зон (в частности, наличие большего числа наименований речевого выражения эмоций по сравнению с обозначениями других их внешних признаков).

В качестве *перспектив дальнейшего исследования* заявленной проблематики можно назвать углублённый сопоставительный анализ эмотивного фрагмента картины мира, отражённой в русских говорах Башкирии, с одной стороны, и в русском литературном языке либо в говорах иных регионов – с другой. Кроме того, большой интерес представляет изучение этимологического аспекта эмотивной лексики в русских говорах Башкирии, в том числе с привлечением материала других славянских языков.

Список источников

1. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Гилем, 2005. 466 с.
2. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотнесение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98-106.
3. Григорьева Н. А. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2010. 219 с.
4. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2003. 464 с.
5. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1998. 197 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
7. Кезина С. В. Оценочность цветообозначений в русском языке в сопоставлении с другими языками // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 99-107.
8. Киселева Л. А. Современная лингвистика эмоций: постклассический этап // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2020. № 2. С. 11-18.
9. Коберник Л. Н. Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры (на материале говоров Среднего Приобья): дисс. ... к. филол. н. Томск, 2007. 176 с.
10. Лук А. Н. Эмоции и чувства. М.: Знание, 1972. 78 с.
11. Приходько В. К. Лексические средства репрезентации базовых эмоций в русских говорах Приамурья: лингвокультурологический подход. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского ун-та, 2016. 250 с.
12. Словарь русских говоров Башкирии / под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 405 с.
13. Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1996. № 6. С. 42-53.
14. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций // Язык и эмоции: сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Шаховский. Волгоград: Перемена, 1995. С. 3-15.
15. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 128 с.
16. Эйгчисон Дж. Лингвистическое отражение любви, гнева и страха: цепи, сети или контейнеры? // Язык и эмоции: сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Шаховский. Волгоград: Перемена, 1995. С. 76-91.

Representation of Human Emotional Sphere in Dialectal Worldview (by the Material of the Russian Dialects in Bashkiria)

Kezina Svetlana Vladimirovna, Dr
Penza State University
svkezina@gmail.com

Kiseleva Larisa Ayratovna, Dr
Sergeeva Larisa Aleksandrovna, Dr
Bashkir State University, Ufa
larisakiseleva2015@yandex.ru; sergeevala@list.ru

The paper aims to reveal specificity of emotional phenomena representation in dialectal worldview by the material of the Russian dialects in Bashkiria. Scientific originality of the study lies in the fact that the authors for the first time describe semantic peculiarities of emotive vocabulary and phraseology identified in dialectal speech of the multi-ethnic region residents. The conducted research allows concluding that emotive vocabulary in the Russian dialects in Bashkiria forms a semantic field, the structure of which is determined by peculiarities of emotional sphere verbalization, such as asymmetry of field structure, representation of the basic conceptual characteristics of emotions (subjective experience, its temporal features, intensity, modality (positive/negative), external manifestation, etc.).

Key words and phrases: emotive vocabulary and phraseology; semantic field; dialectal worldview; Russian dialects in Bashkiria.